

Подписывайтесь
на наши социальные сети

ДМИТРИЙ ХАУСТОВ

**ТЕМНЫЕ
ТЕОРИИ**

**ФИЛОСОФИЯ
ПОСЛЕ
ПОСТМОДЕРНА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)
ББК 87.3
Х26

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Хаустов, Дмитрий.

Х26 Темные теории : философия после постмодерна /
Дмитрий Хаустов. — Москва : Издательство АСТ,
2026. — 416 с. — (Российская академия).

ISBN 978-5-17-172124-4

...а следом все умерли: Барт, Фуко, потом и Делёз. И в этом мрачном пространстве, оставленном интеллектуальными богами вчерашнего дня, оказалось, что философский постмодерн был тупиком, хитрым змием, кусающим собственный хвост: самопоеданием модерна, живого мертвеца. И что оставалось? Ступать в неизвестное, не-просвещенное мысленное пространство. Так теории стали темными. Животные и микробы, грибы и бактерии, непроницаемый космос и океанические бездны, холодные коды киберкультуры, нечеловеческое, постгуманистическое и даже антигуманистическое — их новые миры. Там, за последней полосой света, оставленного меркнувшим Просвещением, трепещут тревожные тени гегелевской «ночи мира»: здесь Г. Ф. Лавкрафт смотрит фильмы Дэвида Кроненберга, а радикальные нигилисты — Ларса фон Триера, здесь спекулятивные реалисты читают Филипа Дика и носят ожившие костюмы от Мартена Маржела, экологические активисты пристально всматриваются в «Черное зеркало» и в «Чужого», киберпанки вслушиваются в оглушающую тишину Джона Кейджа, а темные делезианцы — в шумовые полотна Einstürzende Neubauten и в мизантропический вопль блэк-метала. Бруно Латур и Донна Харауэй, Квентин Мейясу и Грэм Харман, Ник Ланд и Реза Негарестани среди многих других отправляются в путешествие по катакомбам современного постгуманистического мышления. Мы пойдем вслед за ними — узнать, есть ли хоть что-то во тьме, и если да, то что именно.

УДК 1(091)
ББК 87.3

ISBN 978-5-17-172124-4

© Д. С. Хаустов, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
АСТ», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ. ЗАТЕМНЕНИЕ

Радар	13
Когда мы перестали понимать мир	14
Разум в тумане войны.	20
Конец человеческой исключительности	24
По ту сторону <i>cogito</i>	27
Новый философский реализм	31
Тёмное в моде	34
Преступления будущего	38
Тёмные теории.	42

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СПЕКУЛЯТИВНЫЙ ПОВОРОТ

1. Бруно Латур. Акторно-сетевая теория.	49
Лабораторная жизнь.	49
Государь сетей	52
Нового времени не было.	54
Акторно-сетевая теория.	58
Займитесь технологией	63
2. Квентин Мейясу. Спекулятивный реализм.	68
Моя цель очень проста	68
После конечности.	70
Корреляционизм	72
Доисторическое.	73
Принцип фактичности	75
Принцип фактуальности.	78

Гипер-Хаос	79
Бросок костей	81
Убик.	83
Ниоткуда. Ни для чего.	87
3. Грэм Харман. Объектно-ориентированная онтология	91
Кролики, капли дождя, облака и единороги.	91
Сделаем реализм снова странным	92
Имматериализм.	96
Объектно-ориентированное кантианство	99
Четвероякий объект	102
Тёмные кристаллы.	107
4. Иэн Гамильтон Грант. Новая натурфилософия	112
Спекулятивный делёзианец.	112
Назад к Шеллингу	114
<i>Natura naturans</i>	118
Идеализм как высшая ступень реализма.	121
Эксперименты в Реальном.	124
5. Рэй Брассье. Радикальный нигилизм	132
Понятия и объекты	132
Нам нужно еще более радикальное Просвещение	135
Мы все уже мертвы.	139
Заговор против человеческой расы	144
Меланхолия	147
Спекулятивный нигилизм.	151

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПО ТУ СТОРОНУ ПРИРОДЫ

1. Антропоцен и тёмная антропология.	159
Я верю в единую материю-энергию	159
Новая геологическая эпоха.	161
Капиталоцен. Хтулуцен. Новацен	165
По ту сторону природы и культуры	172
Тёмная антропология	175

2. Донна Харауэй. Добро пожаловать в хтулуден	183
Манифест киборгов	183
Не по крови, а по выбору	185
Оставаясь со смутой.	189
В поисках сородичей	193
СФ-наррации.	198
3. Тимоти Мортон: Тёмная экология	204
Плодородные зеленые оазисы.	204
Экологический кризис.	206
Эстетический эколог	209
Тёмная экология	211
Гиперобъект	213
Полный отстой	219
Политическая экология.	223
4. Бен Вудард. Тёмный витализм.	229
Жуткое	229
Защитник лесов	231
Живое	232
Динамика слизи.	235
Картезианский ксеноморф	239
Ловушка пессимистического аффекта.	244
5. Джейн Беннетт. Виталистический материализм . . .	249
Перевариваю, следовательно существую.	249
Письмо вместе с Уитменом и Торо	251
Политическая экология вещей.	254
Традиция материального витализма	256
Веще-сила.	260
Аннигиляция	264

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПО ТУ СТОРОНУ КУЛЬТУРЫ

1. Акселерационизм и тёмное Просвещение	269
Технокультура и киберпанк.	269
CCRU	273
Сэди Плант	276

Акселерационизм	279
Тёмный Делёз.	284
Тёмное Просвещение.	292
2. Ник Ланд. Киберготика	298
Тёмный просветитель.	298
Антигуманизм как радикализация постгуманизма.	301
Вторая ступень ракеты.	306
Жажда аннигиляции.	310
Гиперверие	313
3. Юк Хуэй. Космотехника	320
Несчастное сознание неореакционеров	320
Вопрос о технике в Китае	324
<i>Entwurzelung</i>	329
Симондон и Стиглер	331
Рекурсивность и контингентность.	334
Рипс нимада табень.	338
4. Реза Негарестани. Соучастие с анонимными материалами	343
Очарование тайны	343
Тысячеликий герой	345
Теория	347
Великое Внешнее.	348
Фикция	350
Соучастие с анонимными материалами	352
Фикцепты	355
Машина паранойяльной закрытости	358
Интеллект и дух	360
5. Юджин Такер. Тёмный мистицизм	367
Неприрученная мысль	367
Ужас философии	369
Мир-без-нас	371
<i>Nihil negativum</i>	373
Щупальца длиннее ночи	377

От кантианства к лавкрафтианству	382
Хоррор-редукционизм	388
Экскоммуникация.	391

ЭПИЛОГ. ТЕНИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Танец агентности.	399
Время картины мира.	402
Странник над морем тумана.	406
Правит Хаос.	412

Во всяком случае, ясно одно: человек не является ни самой древней, ни самой постоянной из проблем, возникавших перед человеческим познанием. Взяв относительно короткий временной отрезок и ограниченный географический горизонт — европейскую культуру с начала XVI века, — можно быть уверенным, что человек в ней — изобретение недавнее. Вовсе не вокруг него и его тайн издавна ощупью рыскало познание. Среди всех изменений, которым подверглось знание вещей и их порядка, знание тождеств, различий, признаков, эквивалентов, слов, — короче, среди всех эпизодов этой глубинной истории Тождественного лишь один, который начался полтора века назад и, быть может, скоро закончится, позволил явиться образу человека. И это было не избавлением от давнего беспокойства, не выходом из тысячелетней заботы к ясности осознания, не подступом к объективности того, что так долго было достоянием веры или философии, — это было результатом изменения фундаментальных диспозиций знания. Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, — это изобретение недавнее. И конец его, быть может, недалек.

Если эти диспозиции исчезнут так же, как они некогда появились, если какое-нибудь событие, возможность которого мы можем лишь предчувствовать, не зная пока ни его облика, ни того, что оно в себе таит, разрушит их, как разрушена была на исходе XVIII века почва классического мышления, тогда — можно поручиться — человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке¹.

Мишель Фуко,
«Слова и вещи. Археология гуманитарных наук»

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. В. Визгина и Н. Автономовой. СПб.: А-cad, 1994. С. 404.

ПРОЛОГ
ЗАТЕМНЕНИЕ

РАДАР

Техническое устройство, разработанное в ходе Второй мировой войны в целях совершенствования противовоздушной обороны во время налетов люфтваффе на Англию и оказавшее решающее влияние на развитие кибернетики и, как следствие, на появление искусственного интеллекта, то есть на весь современный компьютерный век, — это *радар*. Историк кибернетики Томас Рид рассказывает о нем следующее:

Термин «радар» изначально был аббревиатурой фразы «radio detection and ranging» (радиообнаружение и измерение дальности). Главной задачей радаров было определять расстояние от радиолокационной станции до объекта. <...> Принцип его работы прост, это немного похоже на бросок камня в тёмную дыру и измерение того, как долго он будет лететь до земли: радиостанция посылает радиоволны, цель отражает энергию этих волн, а антенна принимает отраженный сигнал. Время, которое требуется, чтобы получить отраженный сигнал (эхо), и определяет удаленность цели. Электромагнитный импульс радара движется со скоростью света, 299 792 458 метров в секунду. Если объект находится в 24 километрах от радара, его эхо вернется через 0,00016 секунды. Выявленную дальность и направление объекта операторы видят на «экране», круглом дисплее, напоминающем слабо освещенный циферблат часов. На экране изображено несколько концентрических колец, а иногда карта. Цель появляется на экране как маленькая светящаяся точка².

Если вдуматься, то это поразительная вещь: в случае радара субъект *не знает, не видит и вообще никак не воспринимает* искомую им цель — то есть он мог бы схватить эту цель

² Рид Т. Рождение машин: неизвестная история кибернетики / пер. Е. Васильченко и Е. Кузьминой. М.: Эксмо, 2019. С. 37–38.

ясным и ярким *прожектором* своего взгляда, но будет уже слишком поздно, и цель улетит, в нее не попасть. И вот субъект начинает буквально *бомбардировать пустоту*, в которой он вообще ничего не воспринимает, — бомбардировать ее радиоволнами, а следом радиоволны возвращают ему из той пустоты, из густой ночной тьмы погруженного в войну мироздания, некую информацию о *негативном и отраженном контуре* искомого им объекта — и субъект таким вот странным и косвенным образом, негативно и от противного, видит объект, эту «маленькую светящуюся точку», на экране радара, «напоминающем слабо освещенный циферблат часов».

Иными словами, в данном случае само *видение* цели — это буквально прямая функция от ее *невидения*. Субъективное *знание* цели — лишь функция от фактического ее *незнания*.

Если в соответствии с классическим картезианским идеалом познания познающий субъект может иметь *ясную и отчетливую* идею познаваемого им объекта (собственно, об этом и сообщает метафора *прожектора*), то пример с *радаром* демонстрирует всё что угодно, но только не этот классический идеал. Радар оставляет картезианство далеко позади — как первую ступень ракеты.

Хотя познающий субъект и имеет некое знание, с помощью которого он даже выигрывает свои войны, но само по себе это знание *странное, косвенное, не прямое* — негативное знание, максимально далекое от научных идеалов классического Просвещения, ибо всё в этом странном и страшном, воюющем, вóющем XX веке оказывается перевернутым с ног на голову: незнание ныне определяет знание, а вовсе не наоборот — как когда-то в прекрасный классический век, освещенный ярким золотистым светом разума.

КОГДА МЫ ПЕРЕСТАЛИ ПОНИМАТЬ МИР

Главным изобретением философии Нового времени, или эпохи модерна, был *субъект*, а конкретнее — *субъект познания*. Философские классики, разрабатывавшие подчас кардинально различные теоретические программы, сходились на том, что именно процесс познания — то есть *эпистемология* — является подлинным отношением человека-субъекта к окружающему его объектному миру. Фрэнсис Бэкон рас-

познал в человеке покорителя природы средствами науки и знания, отсюда его знаменитая формула *знание — власть*. Рене Декарт подвел онтологию под эпистемологию, разделив мир надвое: с одной стороны, познающий субъект — *res cogitans*, или вещь мыслящая, с другой — *res extensa*, или вещь протяженная, мир объектов. Иммануил Кант, мыслитель, доведший до его пика теоретический потенциал Нового времени и Просвещения, задался вопросом об условиях возможности научного знания и пришел к выводу, что мир явлений уже *априори*, то есть до всякого опыта, должен подчиняться специфическим субъективным формам человеческих чувственности и рассудка.

Этим и объясняется удобство метафоры *проектор-ра*, описывающей субъекта познания Нового времени: он не только просвечивает неизведанный мир *светом разума* (Просвещение), чтобы познать его (то есть овладеть им) без всякого остатка, но более того — он *проецирует* на окружающий мир свои собственные эпистемологические принципы, подгоняя этот мир под свою собственную рамку. Тем самым в подобной, как назвал это Хайдеггер, *картине мира* сам мир обращался в мир познанный, а субъект — в его познавательный центр, вокруг которого и благодаря которому весь этот мир и выстраивался. Как сказали Адорно с Хоркхаймером в своей «Диалектике Просвещения», *всякая перцепция есть проекция*.

Стоит ли удивляться, что с такой метафизикой, поставленной на строго эпистемологические рельсы, и в парадигме научного знания, действительно подчинявшего мир своей головокружительной, не в последнюю очередь и по жестокости, познавательной воле и власти, европейский человек уже в XIX веке приходил к выводу, что мир в его целом понятен, разумен и постижим и что для субъекта Нового времени в таком мире уже не останется тёмных пятен — всё будет познано, ясно и упорядочено: подчинено. Однако подобные настроения в силу своего слепого эпистемологического оптимизма никак не угадывали того, что уже тогда вырисовывалось на горизонте.

Неожиданно для всех оптимистов модерна познающий субъект, заброшенный в драматический XX век, предстал идеальным героем для квазидокументальной и даже худо-